

Нарушитель самоизоляции

Автор:

Марина Серова

Нарушитель самоизоляции

Марина Сергеевна Серова

Русский бестселлерТелохранитель Евгения Охотникова

Частный телохранитель Евгения Охотникова даже обрадовалась введению режима самоизоляции. Тем более что карантин со всеми удобствами и комфортом ей придется провести в роскошном особняке, больше похожем на готический замок. И задание совсем пустяковое – опекать молодого мажора, сыночка владельца замка Клауса. Но подросток сидеть под замком в карантине не планирует, и с каждым днем Евгения убеждается, что без неприятностей в этом деле не обойдется...

Марина Сергеевна Серова

Нарушитель самоизоляции

Глава первая

Я с откровенно скучающим видом пролистывала сайт с объявлениями о работе. Глазу не за что было зацепиться – в это трудное время требовались в основном курьеры и младший медицинский персонал. Впрочем, если дальше дела будут складываться подобным образом, выбирать особенно не придется. Была, конечно, одна работа, на которую я, в принципе, была согласна: ночным охранником на хлебобулочном заводе.

Моя фантазия уже успела в красках нарисовать мой рабочий день, а если быть точным, то ночь – окруженная ароматами свежей выпечки, я буду блаженно предоставлена сама себе всю смену, имея прекрасную возможность прочитать все книги, которые давно планировала, и отсмотреть фильмы из небольшого личного списка.

Однако перед этим придется пережить порцию возмущений тети Милы о том, что такая образованная и талантливая барышня, как я, достойна лучшего, да и убедить работодателя, что хрупкая девушка справится с данной должностью лучше сонных усатых дяденек, всю ночь решающих кроссворды.

И словно иллюстрируя мои фантазии, из кухни донесся приятный аромат тыквенного пирога.

Тетя Мила честно соблюдала самоизоляцию, отправляясь в магазин, словно на самое ответственное задание в своей жизни; замотанная с ног до головы, как старшая жена в гареме.

Как и многие другие люди в это непростое время, проводя дома намного больше времени, чем обычно, тетя Мила открывала в себе много новых талантов и навыков.

Например, под моим чутким руководством занялась изучением португальского языка, вышила две большие картины бисером и целыми вечерами упражнялась в кулинарном мастерстве.

За первые две недели, проведенные в подобном режиме жизни, она успела уже испечь неплохую чабатту с чесноком и специями, десятка два пирогов с различной начинкой и несколько вариантов имбирного печенья в виде человечков. Имбирная армия вполне могла бы захватить маленькое кондитерское государство, не будь стремительно уничтожена своей создательницей.

Я предпочитала держаться подальше от аппетитных опусов тетушки, чтобы не растерять свою обычную физическую форму, да и к тому же старательно избегала встреч с постоянно работающим на кухне телевизором, навязчивый поток новостей из которого вызывал у меня страшную мигрень.

Измученная сложными вопросами выбора временной работы, я решила сделать небольшую паузу – собрала волосы в высокий хвост, натянула толстовку и отправилась на вечернюю пробежку, воспользовавшись увлеченностью тети Милы последним найденным в интернете рецептом.

Тетя Мила довольно болезненно переносила каждую мою отлучку, каждый раз по возвращении мучая меня длительной лекцией о том, как опасно нарушать самоизоляцию.

Как правило, лекция щедро сдабривалась иллюстрирующими ее страшилками, услышанными по телевизору.

Но я была осторожна, впрочем, как и всегда.

Мои вечерние пробежки в принципе не предполагали тесного контакта с людьми. Местные алкоголики, в темное время суток занимавшие все свободные лавочки в парке, еще с первой встречи со мной были научены горьким опытом – любая попытка нарушить мое личное пространство может закончиться довольно неприятно.

Пара выкрученных предплечий – и никому больше не приходило в голову пытаться познакомиться с одинокой бегуньей, отмочить глупую шуточку или пострелять мелочь на новую чекушку водки.

Я была предоставлена себе, и никто не мог испортить мое истинное наслаждение от легкой физической нагрузки перед сном.

В этот раз я внезапно оказалась лишена недовольного приветствия тети Милы.

За пролет до двери нашей квартиры я почувствовала запах хорошо знакомого одеколона. И хотя в последний раз мы с этим ароматом встречались приличное количество лет назад, его интенсивность и специфические нотки сразу обличили передо мной личность его владельца.

Перед нашей дверью возвышалась фигура, с ног до головы облаченная в черное – от тяжеловесных сапог на ногах, слишком жарких для нынешнего времени года, до нелепой кепки, венчавшей замотанную платком голову.

Дверь перед незнакомцем открыла тетя Мила, и из-за его спины я прочитала на ее лице глубокий, почти суеверный ужас.

Конечно, высокий гость выглядел довольно внушительно в своем мрачном одеянии.

Тетя Мила некоторое время оторопело разглядывала гостя, пока не зацепилась взглядом за бутылку вина в одной его руке и коробку дорогих конфет в другой.

Незнакомец пробормотал что-то нечленораздельное и протянул подношения тете, которая была настолько ошарашена, что приняла их безо всяких возражений.

Гость завозился, стягивая с головы платок и респиратор, поскольку без них разобрать хоть слово, произнесенное им, не представлялось возможным.

Из-под черной банданы показалась копна смоляных кудрей и загорелые уши.

В глазах тети Милы страх мгновенно сменился интересом.

Мне не нужно было уметь читать мысли, чтобы догадаться, что в этот момент тетя Мила представляет себе, как прекрасный незнакомец ведет меня к алтарю.

Меня даже слегка передернуло.

– Здравствуйте, – наконец-то внятно заговорил мужчина, – я могу увидеть Евгению?

– Да... – растерянно обронила тетя Мила и только в этот момент заметила мое неслышное присутствие у двери противоположной квартиры, – ой...

Незванный гость обернулся и вперился в меня яркими светлыми глазами на смуглом лице.

– О! – выдохнул он. – Всегда восхищался твоим умением двигаться бесшумно.

– Мы встречались один раз, и я вот совсем тобой не восхищалась, – мрачно парировала я и прошмыгнула мимо широких плеч гостя в прихожую.

Я знала, что он скажет дальше, уже обращаясь к тете Миле.

– Меня зовут Хуан и...

– Иван, – оборвала я начало такой пламенной и вдохновляющей для моей бедной тети вступительной речи, – проходи, не топчись на пороге. И руки помой.

Я сбросила на тумбочку в прихожей потрепанные наушники и загнала под нее старенькие, но горячо любимые кроссовки.

Конечно, тетя Мила была впечатлена и готова поверить сейчас в любые рассказы, которые польются из красноречивого рта моего старого знакомого, но я совсем не разделяла ее восторгов.

Единственное, что интересовало меня во всей этой ситуации, – как эта знаменательная во всех смыслах личность отыскала мой домашний адрес и вообще оказалась в скучном провинциальном Тарасове, вооружившись вином и конфетами.

Иван, или Ванечка, как мы его все прозвали в недолгое время совместной работы на Кубе, именно там приобрел свой впечатляющий латино-американский загар. Хотя в действительности это влюбленное в свое отражение в зеркале и довольно плаксивое существо крайне трудно переносило жаркий влажный климат, а от солнца скрывалось за дурацкой шляпой и тоннами средства для (или от, я не уточняла) загара.

Тетя Мила тут же накрыла на кухне роскошный стол с чаем и свежим тыквенным пирогом и даже в честь такого грандиозного события, как появление мужчины в нашем доме, выключила ненавистный мной телевизор. Вместо него она настроила старый радиоприемник на крайне интеллигентную волну, целыми сутками крутившую старый очаровательный джаз.

Тетушка смерила меня самым возмущенным из всех своих взглядов, когда я явилась к чаепитию в своей домашней толстовке и тренировочных штанах

вместо какого-нибудь нарядного одеяния для светских раутов.

Сама она даже вязаную розочку прикрепила к джемперу, всегда вызывавшую во мне смесь умиления и ехидства. Но в своем нелепом виде было сложно переплюнуть долговязого Ивана в его черных тряпках, неуклюже расположившегося всем своим внушительным ростом на маленьком стульчике за компактным кухонным столом. Он выглядел словно детский солдатик, случайно заглянувший на кукольное чаепитие.

– Ну, с чем пожаловал? – с порога начала я и прихватила со столешницы принесенное Иваном вино.

Оно интересовало меня куда больше разлитого тетей ароматного чая в маленьких праздничных чашечках для приема гостей.

– Ох, Женя, – снова томно вздохнул Иван, – твоя прямота...

– Можешь считать это любопытством, – смягчилась я, – Тарасов не самое популярное место для туризма.

Я налила себе вина в бокал, наблюдая, как Иван прихлебывает чай, аристократично отогнув мизинец.

Интересно, он всегда был таким манерным или нахватался подобных глупостей, долго работая в дипломатических кругах кубинцев? Этот южный, темпераментный и немного дикий народ имел совершенно своеобразные представления об этикете. По большей части почерпнутые из кинематографа, конечно.

– А как вы познакомились? – решила перевести беседу в другое русло тетя Мила, а заодно, конечно, утолить мучившее ее любопытство.

Боюсь даже представить, какие страстные служебные романы между мной и Иваном сейчас сплетались в ее возбужденном воображении.

– Работали вместе, – бросила я без особого энтузиазма.

– На Кубе, – счел себя обязанным уточнить Иван. – Мы состояли в элитном отряде телохранителей...

– Фиделя Кастро? – взволнованно перебила тетя Мила.

Я нервно хохотнула.

– Нет, к счастью, всего лишь одного мелкого дипломата, – поспешила разрушить красочную картинку я и не удержалась от едкого уточнения: – Если бы наше задание было настолько масштабным, то кое-кто бы так знатно поплатился за совершенную оплошность, что вряд ли заявился бы сейчас в Тарасов...

Иван грозно сверкнул на меня глазами, намекая, что данный разговор он предпочел бы не продолжать, как, впрочем, и не начинать при посторонних свидетелях. Однако я абсолютно не планировала вести с ним private беседы, особенно после того, как в первые же минуты нашего знакомства когда-то, отпустив парочку напыщенных и безвкусных комплиментов, Иван неоднозначно намекнул на широкую постель в своем номере и отлично работающий кондиционер.

Серьезно, на Кубе таким мог похвастаться далеко не каждый, и эта привилегия должна была оказать действительно впечатляющий эффект. Кондиционером, конечно, но не постелью. В большинстве случаев помещения проветривались старыми вентиляторами колониальных времен, невольно заставлявших меня вспоминать все просмотренные фильмы-нуар, а заодно сцену с мающимся от жары героем в «Апокалипсисе сегодня».

Да, делая мне подобное предложение, Иван тоже, вероятно, руководствовался историями, подсмотренными в фильмах, но каких-то других.

Задание в жаркой стране с ярким колоритом, красотка-напарница (я не льщу себе, а даю адекватную оценку своей внешности, сложенную из общих статистических данных) в строгой военной форме, бурная тропическая растительность вокруг, ром, льющийся рекой...

Да, лучше бы он привез ром и сигары, а не кислое вино из ближайшего магазина и затвердевшие конфеты, которые тетя Мила спрячет для особого случая и достанет только тогда, когда они станут окончательно напоминать

археологические находки своей окаменелостью.

Негодяй Иван своим появлением так или иначе заставил меня вспомнить шоколадный вкус хороших кубинских сигар и золотистые переливы напитка пиратов на солнце.

– Вы тоже... телохранитель? – продолжала свой расспрос тетя Мила, пока я мечтала о том, как пропустила бы стаканчик чудесного терпкого нектара.

Иван сразу вздернул вверх аккуратный нос и гордо кивнул.

– Вам бы актером быть с такой внешностью, – восторженно сказала тетя Мила, поглядывая на меня, – у вас интересный типаж...

– Моя мама была из старинной казачьей семьи с юга, – не без тени гордости заявил Иван, – и я думал о том, чтобы стать актером, но... отец. Он военный и хотел, чтобы я получил другое образование.

Я поймала еще один многозначительный взгляд тети Милы и, чтобы отвлечься от повисшей в воздухе легкой неловкости, откусила кусочек пирога.

– У вас так много общего, – резюмировала тетя Мила и невзначай пнула меня ногой под столом.

Хоть пространство нашей кухни и было достаточно маленьким для случайного столкновения, я все-таки не верила в подобные совпадения.

– Ой да, мой отец тоже хотел сына, – расхохоталась я, – и засунул меня в военное училище.

Иван часто захлопал густыми ресницами.

Да, нужно было отдать должное его импозантной внешности. И возможно, его даже можно было бы счесть довольно привлекательным, если бы не все эти нелепые ужимки и постоянное наигрывание на невидимую камеру.

– Женя. – Тетя Мила сопроводила мое имя таким тяжелым вздохом, что мне даже стало немного стыдно за свое поведение.

Я хотела поиздеваться над Иваном, но невольно задела ее робкие надежды на появление у меня стабильной личной жизни и, быть может, даже семьи.

Если попытаться поставить себя на место тети Милы и посмотреть на ситуацию ее глазами, все складывалось довольно хорошо. Посреди мрачного заточения в нашем маленьком замке появляется прекрасный принц, красивый, сильный, волевой, но плохо разбирающийся в винах, чтобы умчать меня в ту жизнь, где я никогда больше не буду подвергаться опасности на своей ужасной работе.

Зная мою тетушку, я уверена, что она уже даже скрестила в голове наши с Иваном разные черты и представила, как расчесывает темные непослушные кудри нашим голубоглазым детям.

Но перед моими глазами стояла совсем другая картинка, которую сложно было выкинуть из головы.

Я в принципе совсем не злой человек, мой цинизм обусловлен тем, что я за свои двадцать семь с небольшим лет успела достаточно хорошо познакомиться с разными представителями человеческого вида. И Иван входил в число тех лиц, кто только подбросил в костер моей мизантропии дополнительных дровишек. Я бы даже сказала, что следом за поленьями, швырнул в огонь еще и бутылочку с жидкостью для розжига.

Редко, но я просыпалась от душных липких снов, в которых снова зажимала кровоточащую рану в боку и практически в одиночку разбиралась с несколькими боевиками, покушавшимися на жизнь опекаемого нами дипломата. Пока Иван, спрятавшись за огромным кустом опунции, прикидывался мертвым, лишь бы не оказаться в эпицентре заварушки. Да, первый выстрел пришелся ему в голову, но только сшиб с лохматых кудрей его любимую безвкусную беретку.

Должно быть, ему и вправду стоило попробовать себя на актерском поприще, потому что даже я сумела оценить театральность его падения на землю.

Иван сейчас словно тоже думал об этом.

Я попыталась быть снисходительной к нему и оправдать этот поступок тем, что он тогда был очень юным (как, впрочем, и я) и, вероятно, с тех пор набрался опыта и стал менее трусливым.

– Я хочу отдать тебе старый должок, – вдруг заявил он, решив наконец-то прекратить затянувшийся фарс – совсем не складывающуюся светскую беседу, – есть отличная работа.

– Надеюсь, не с тобой в паре? – беззлобно откликнулась я. – Сейчас мне комфортнее работается одной...

– Да, и там все очень просто, – спокойно кивнул Иван и посмотрел на тетю Милу. – Подскажите, где у вас можно курить?

Мы вышли на балкон, и... – о слава всем возможным богам! – Иван извлек из карманов своих черных одежд потрепанную жизнью пачку сигарилл. Не сигары, но все-таки маленький приятный привет с далекой Кубы.

– Это очень незатруднительное задание, – начал Иван, выпуская в воздух струйку серебристого дыма, – но заплатят приличные деньги.

– Не говори, что кого-нибудь нужно убить, – мрачно пошутила я.

Иван слегка улыбнулся.

– Мне очень стыдно за ту историю, – сказал он, – это было мое первое серьезное задание... я... вообще плохо это все умею. Я на самом деле пацифист, даже комаров убивать жалею.

– Почему ты не сменишь профессию, если она настолько тебе не подходит? – задала я резонный вопрос, пропустив мимо ушей жалкую попытку извинений.

– Я уже несколько лет работаю на одного человека, с которым все довольно спокойно, – объяснил Иван, – с ним предпочитают не связываться.

– Ого, – присвистнула я и выпустила колечко из дыма.

Иван восторженно наблюдал за полетом моего творчества в воздухе, пока оно не растаяло в сгущающихся сумерках.

– Завтра он привезет в Тарасов своего сына, – наконец-то перешел к делу Иван, – и... вот за ним нужно присмотреть.

– Ты ничего не перепутал? В моем портфолио нет приписки о том, что я отличная няня и умею справляться с детьми, – хмыкнула я.

Это было абсолютной правдой, к великому огорчению тети Милы: я предпочитала держаться подальше от маленьких людей, не зная толком, кто из нас может причинить друг другу больший вред. Мой рациональный мозг при взаимодействии с ними заходил в путаные логические тупики и начинал дымиться, как перегревшийся в жаркую погоду старый «Москвич».

– Мальчик будет здесь на самоизоляции. Всего лишь проконтролируй, чтобы он не выходил из дома, – ответил Иван и, немного подумав, добавил: – И... чтобы не убился. Он большой, няня ему не нужна.

Кажется, он воспринял мой комментарий серьезно и теперь обдумывал его довольно увлеченно. Или... я все-таки неправильно трактовала затянувшуюся паузу, потому что пальцы Ивана на балконных перилах как-то незаметно подкралась к моим.

Я отдернула руку.

– Женя, прости меня, – набрался он смелости, – я так ужасно себя повел, до сих пор об этом думаю. Я действительно восхищаюсь твоей силой духа и смелостью...

– Давай про бездонные глаза еще что-нибудь скажи, – подначила его я.

Я потушила погасшую сигариллу и бросила в банку с бычками, которую прятала от тети Милы за ее плантацией герани.

Мои слова в этот раз серьезно перегрузили Ивана. Похоже, аналитические способности по выявлению иронии не были его сильной стороной, и он решил

прибегнуть к тому, что считал своим оружием.

– Мне важно получить твое прощение, – сказал Иван, – снять этот камень со своей души...

Я подавила смешок, понимая, что моя реакция не совсем подходит для сложившейся ситуации. Почему-то я подумала о том, что тетя Мила сейчас подглядывает за нами через кухонное окно и ждет кульминации разговора в виде страстного поцелуя. Жаль было разочаровывать двоих людей сразу.

– Встань на колени, и я прощу тебя! – театрально скандировала я, изображая как минимум интонации католического священника, отпускающего страшные грехи своей пастве. Но прежде чем Иван успел среагировать и выполнить мое эксцентричное требование, я добавила примиряюще: – Если задание окажется таким хорошим, как ты говоришь, можешь считать, что мы квиты. Но только если...

Конечно, я догадывалась, что у всех внешне привлекательных вещей в мире есть неприятная оборотная сторона, но смела надеяться, что количество плюсов в этой истории перевесит минусы. Должен же быть и на моей улице когда-то праздник? Вероятно, судьба действительно планировала отвести меня от работы вахтером на хлебопекарном заводе, подкидывая такую удивительную возможность. Не просто так же этот призрак прошлого из недр моих воспоминаний взял и материализовался прямо перед моей дверью.

Но внутри меня уже зрело нехорошее предчувствие, которое я ненавидела со всем пылом, на который была способна моя довольно черствая натура. Был как минимум один веский повод для таких неистовых чувств – по большей части интуиция никогда меня не обманывала.

Иван с удивительным терпением наблюдал мои долгие споры с собой, прежде чем решил, что обстановка наконец-то потеряла в градусе своей неловкости.

Он очаровательно улыбнулся.

– Ты так великодушна, – вдохновенно сказал мужчина, – клянусь, тебе понравится это задание.

От этой фразы я бы точно начала подозревать подводные камни, если бы уже не усомнилась в идеальности обещанной мне работы.

А потом волшебство момента было окончательно нарушено.

Иван попытался поцеловать мне руку, а я привычным резким движением выкрутила ему плечо, чудом не нанеся незваному гостю несовместимую с профессиональной деятельностью травму.

– Ой, прости, – буркнула я через силу, не являясь большим любителем извинений.

Впрочем, во взгляде Ивана, скорее, читалось восхищение моей сноровкой и реакцией.

– Может быть, поужинаем, пока я в городе? – слащаво протянул он, и мне огромных сил стоило не выбить ему парочку белоснежных зубов.

Я больше беспокоилась о том, как это действие с крахом разобьет мечты подглядывающей за нами тети Милы, а вовсе не о внушительном счете этого пройдохи у дантиста.

Заказчик не планировал долго ждать и назначил встречу уже на следующее утро.

Я закинула на заднее сиденье машины небольшую спортивную сумку со всеми жизненно важными для долгого отсутствия дома предметами и отправилась в ближайший пригород Тарасова.

Здесь располагалась самая дорогая и внушающая уважение недвижимость во всей области – ухоженные яблоневые сады покрывали высокие утесы над Волгой, а из-за глухих заборов выглядывали шпили и башенки чудес современной архитектуры.

Стоит признаться, что и я мечтала отстроить здесь когда-нибудь скромный, но комфортабельный дом вместо заросшей бурьяном и покосившейся дачи,

доставшейся тете Миле в наследство от бабушки.

Особняк за ажурным забором действительно покорял воображение – он был построен с удивительным для мажоров вкусом и хоть соединял в себе большое количество разных архитектурных стилей и элементов, но выглядел внушительно и стильно.

На мгновение мне даже показалось, что я попала в какой-то старый фильм, где за дверьми усадьбы меня встретит чопорный дворецкий, а в каждом шкафу будут спрятаны скелеты.

Я тут же отругала себя за ту фантазию, прекрасно понимая, что подобный поворот событий в жизни принесет за собой кучу незапланированных трудностей.

Электронные ворота раскрылись, пропуская мой скромный «Фольксваген» на парковку, и теперь уже происходящее скорее напоминало сказку о «Красавице и чудовище», где в роскошной замке все повиновалось невидимой воле своего заколдованного хозяина.

Охраны не было видно, но я была уверена в ее незримом присутствии. И все-таки на парковке меня встретил вполне себе обычный человек, а не мифическое чудовище.

Нужно отдать ему должное, он действительно напоминал выхоленных британских дворецких в своем строгом, но довольно скромном черном костюме. Рубашка была на несколько тонов светлее и ее темно-синий цвет отлично подчеркивал светлую кожу владельца. Мужчина был несколько старше меня, примерно лет тридцати пяти – сорока, хотя выглядел довольно молодо. В его невысоком росте, болотно-зеленых глазах и зализанных волосах была некая претензия на аристократичность.

Я почему-то ждала, что незнакомец галантно протянет мне руку, помогая выбраться из машины, но он держался на приличном расстоянии.

– Евгения? – зачем-то уточнил он и словно прочитал мои мысли. – Я бы подал вам руку, но, сами понимаете, социальная дистанция...

Я кивнула, стараясь действительно выглядеть понимающей, и сделала вывод, что этот джентльмен и есть заказчик и хозяин роскошного дома со шпилями и высокой башней, в которой мое воображение тут же расположило обсерваторию.

Мужчина взял у меня сумку, заставив меня восхититься манерами современной олигархии, и проводил в дом.

Обстановка, на первый взгляд, показалась мне довольно мрачной, но со временем глаз, привычный к обоям в цветочек, поклеенным в нашей квартире заботливой рукой тети Милы, начал получать удовольствие от глубоких темных тонов в интерьере.

Наш путь закончился в просторной гостиной, которая была настолько богата интересными деталями, что я с удовольствием провела бы много времени за их изучением.

Центральным в комнате, конечно, был большой красивый камин, отделанный изразцовой керамикой. Вокруг него кругом расположились два просторных дивана и несколько английских кресел с ушками. Мой взгляд невольно заблудился в текстуре дорогих обоев фирмы «Morris & Co», которые я и сама любила разглядывать в интернет-каталогах, мечтая однажды заменить ими безвкусицу тети Милы.

– Простите, я забыл представиться. – Мужчина устроился напротив меня и положил на круглый журнальный столик папку с бумагами. – Меня зовут Игнат. Вы можете ознакомиться с контрактом, я принесу вам чаю.

«Боже, какая любезность, – подумала я ехидно, – богач, обладающий таким состоянием, снисходит до горячих напитков для простых смертных».

И я невольно заинтересовалась вопросом семейного положения своего нового босса.

«Радуйся, тетя Мила», – тут же посмеялась я сама над собой.

Однако к моменту возвращения Игната, когда я уже успела тщательно изучить условия договора и убедиться в том, что никакие написанные мелким шрифтом

пункты не принесут мне впоследствии неприятностей, я уже развенчала свой собственный миф.

Игнат вовсе не был олигархом, хотя в контракте стояла его фамилия, как доверенного лица со стороны нанимателя.

– Не беспокойтесь о том, что в контракте нет фамилии босса, – заметив мое смятение, прокомментировал Игнат, – он не очень любит разглашать свои личные данные и снабдил меня всеми необходимыми полномочиями. У вас остались вопросы?

– Да, – кивнула я и наклонилась над контрактом, чтобы убедиться, что правильно прочитала имя. – Скоро я познакомлюсь с Клаусом?

– Он прибудет завтра утром, – ответил Игнат, – по настоянию отца задержался в Москве, чтобы сдать необходимые анализы... – уточнять не было необходимости.

Впрочем, у меня на языке, конечно, вертелось уже приличное количество вопросов.

Я начала бы с того, что поинтересовалась бы у Игната, почему он разговаривает, словно настоящий дворецкий, но это показалось мне не слишком вежливым. В действительности было еще кое-что.

– Если... Клаус прибудет только завтра, зачем мое присутствие здесь сегодня? – решила уточнить я на всякий случай, хотя и имела некоторые собственные версии.

– В ближайшие несколько недель вы наша гостья, – сказал Игнат в своей странноватой манере. – Хозяин распорядился, чтобы вы освоились. И вероятно, вам понадобится время для подготовки к работе...

– В смысле установить жучки, проверить слабые места на периметре? – вырвалось у меня, и я впервые увидела легкую улыбку на губах своего нового знакомого.

Он немного оттаял.

– Именно, – подтвердил он, – дом большой, как и сад, впрочем. Вам ли не знать, сколько здесь может таиться опасностей.

– Но... моя главная задача, – я еще раз глянула в контракт, – чтобы Клаус не покидал территорию.

– Конечно, – кивнул Игнат.

По сравнению с наигранными манерами Ивана движения Игната действительно были отточенными и аристократичными. То, как он наливал чай, обнимал пальцами свою чашку, убирал обратно в папку бумаги с моей подписью.

Мне было неловко разглядывать его, но я совершенно не знала, о чем говорить, и эта напряженная ситуация начинала действовать мне на нервы.

– Красиво у вас тут, – наконец-то нашлась я.

– Да, – легко согласился Игнат, с готовностью подхватывая беседу, – однако, когда хозяин оформлял этот дом, его тяготила недавняя потеря жены, и интерьер получился немного мрачным. Не находите?

– Есть такое, – откликнулась я, – хотя я читала, что темные цвета комфортнее воспринимаются психикой человека еще со времен жизни в пещерах... – только выдав эту нелепую фразу, я осознала, что сейчас сравнила этот утонченный интерьер с жилищем доисторического человека.

Все же мысли мои были заняты другим, чтобы адекватно поддерживать разговор.

Я действительно заинтересовалась личностью Игната. Да, он приближенный человек олигарха, но держится словно настоящий дворецкий. И употребление слова «хозяин» в отношении своего начальника, жутковатое и старомодное, конечно же, резануло мне слух.

Появилось ощущение, что мое первое впечатление о замке заколдованного чудовища оказалось самым верным.

От моего внимания не укрылось, что и сам Игнат украдкой, но очень внимательно разглядывал меня. И картинка начала складываться в цельный пазл – меня выдернули сюда заранее, чтобы как следует проверить, что я собой представляю и можно ли мне доверять.

Это было совершенно логичным предположением, учитывая, что меня взяли по рекомендации болтливого пустослова Ивана, вряд ли бывшего у начальства на хорошем счету.

– Может быть, устройте мне небольшую экскурсию? – предложила я, измученная неловкой игрой «в гляделки».

Игнат с легкостью поддержал эту идею и со всей своей педантичностью переключился на роль экскурсовода.

Он провел меня через анфилады роскошно обставленных комнат, выдержанных все в той же темной, приглушенной цветовой гамме, и по пути мы сделали несколько коротких остановок.

Больше всего меня впечатлил старинный белый рояль, над которым красовался портрет женщины в вечернем платье в полный рост.

Взгляд, брошенный Игнатом на портрет, был долгим и исполненным глубокой тоски.

– Это покойная супруга хозяина, – сказал он, – она была отличной пианисткой. Художник изобразил ее посмертно рядом с этим инструментом, хотя он был приобретен намного позднее.

Лицо женщины показалось мне знакомым, хотя я недостаточно хорошо разбиралась в классической музыке.

Я готова была поспорить, что однажды уже видела покойницу на фотографиях в старинном здании городской консерватории.

Эта маленькая наводка пригодится мне, чтобы перевернуть весь интернет и отыскать все-таки фамилию моего нового работодателя, узнать побольше о его семье, делах и врагах. Последнее я считала особенно полезным, приступая к очередному заданию.

На заднем дворе особняка располагались деревянная беседка, искусственный пруд и бассейн.

Игнат подвел меня поближе к беседке, чтобы я могла оценить красивый вид, открывающийся отсюда на изгиб Волги и светящийся огнями машин вдалеке мост, соединяющий два города, расположенных на двух ее берегах.

– В бассейне поддерживается комфортная температура воды, и вы, если пожелаете, можете искупаться, – радушно разрешил Игнат.

– Если бы знала, прихватила купальник, – усмехнулась я и встретила его лукавый взгляд.

Конечно, в этом волшебном замке и на этот случай для гостей были припасены все необходимые вещи, в чем я убедилась, когда мы добрались до второго этажа со спальнями.

Отведенная мне комната была скромной, но роскошной, а площадь гардеробной способна была уместить в себе всю нашу с тетей Милой маленькую квартиру.

Ей бы определенно понравилось здесь, грустно подумала я, ведь это так напоминало романы, которыми она любила зачитываться.

– На этом я вас оставлю, – сказал Игнат, – чтобы вы могли отдохнуть и разобрать свои вещи.

Прозвучало это так, словно в особняк я добиралась больше нескольких суток на упряжке с лошадьми, периодически меняя их на станционных пунктах.

Впрочем, эта идея уже не так позабавила меня, потому что я начала привыкать к странноватой манере общения заместителя своего начальника, как и ко всей окружающей меня мрачной роскоши.

Вещи разбирать я не стала, наученная горьким опытом не торопиться в подобных делах и всегда быть достаточно мобильной, чтобы сорваться с места и спасти свою шкуру в любой ситуации. А заодно и свои маленькие ценности, конечно.

Я вытащила из сумки ноутбук и развалилась с ним на широкой кровати, вознамерившись пополнить свои сведения о работодателе.

Однако, как я ни пыталась отыскать загадочную пианистку и ее богатого мужа, все мои потуги оказались тщетными. Вероятно, начальник действительно не любил огласки и упоминаний своего имени. Единственной возможностью что-то узнать оставался Игнат.

Несколько часов я провалялась в постели, посмотрев один из давно заготовленных фильмов, чтобы создать иллюзию того, что как следует отдохнула от долгой дороги.

После этого я отправилась искать Игната.

К моему величайшему удивлению, в роскошном доме не нашлось никого из прислуги, в результате чего создалось немного жуткое впечатление, что во всем особняке мы вдвоем.

Самого Игната я обнаружила в саду. Натянув высокие резиновые перчатки по самые локти, он возился с розовым кустом, еще не пробудившимся после зимы.

– Вам удалось отдохнуть? – встретил меня Игнат, и это уважительное обращение отдалось у меня неприятным холодком на загривке.

– Да, спасибо, – скомканно выдавила я и устроилась на белоснежной лавочке, чтобы не отвлекать Игната от его благородного занятия.

– Вы о чем-то хотите поговорить? – легко догадался он. – Я готов ответить на любые ваши вопросы.

Я хмыкнула и поняла, что ото всей этой напряженной ситуации испытываю сильную потребность в никотине.

Я не была зависима от этой маленькой скверной привычки, но в некоторые моменты жизни она помогала мне собраться и сосредоточиться. Но в данный момент я даже не знала, как спросить на это разрешения, и неуверенно повертела старую пачку сигарет, которая давно болталась в кармане моей кожаной куртки.

Игнат заметил эту деталь и поднялся только затем, чтобы поставить рядом со мной на лавочку керамическую пепельницу.

- Если вы не против, я продолжу? - спросил он.

Я затянулась сигаретой и наконец-то набралась смелости:

- Можешь обращаться ко мне на «ты»? - выпалила я. - Я не царственная особа. Мне немного непривычна вся эта официальность.

- Как будет угодно, - пожал плечами Игнат, больше увлеченный розами, чем мной.

Он поморщился от дыма, который ветер отнес в его сторону.

- Спасибо, - облегченно вздохнула я и задала следующий интересующий меня вопрос: - Почему твой начальник отправляет сына именно сюда?

Игнат бросил на меня короткий взгляд и улыбнулся краешками губ.

- Хозяин родился и вырос в Тарасове, как и его жена, - начал он свой рассказ, - он построил этот дом в память о ней, хотя никогда здесь не жил. Я приезжаю сюда чаще его, чтобы ухаживать за садом. Довольно спокойная эпидемиологическая ситуация в городе показалась хозяину достаточным поводом, чтобы Клаус провел здесь несколько недель, прежде чем вернуться к обучению в Англии. Я утолил ваше... твое любопытство?

Я с удовольствием отметила, что о более личное обращение он споткнулся так же, как я спотыкалась о формальные.

Во мне начал расти какой-то хулиганский азарт от желания немного расшатать его безграничную претенциозность.

– Да, – кивнула я. – А ты? Давно служишь своему «хозяину»? – последнее слово я особенно подчеркнула, но не получила в ответ на свою язвительность должной реакции. Всего лишь очередную легкую улыбку.

– Больше двадцати лет, – с готовностью отозвался Игнат. – Моя карьера начиналась с должности телохранителя. Я очень благодарен за эту возможность, предоставленную мне «хозяином», – теперь и он специально выделил это слово, – и со временем он наградил меня за преданность, позволив вести многие свои дела. И ухаживать за этим домом.

– Ты тоже из Тарасова? – не удержалась я, хотя мне неудержимо хотелось пошутить что-нибудь про академию дворецких, обладающих еще и навыками охраны своих господ, как это обычно бывает в фильмах.

– Нет, – покачал головой Игнат, – но мне определенно очень нравится это место, здесь вдохновляющий вид, очень тихо и спокойно. Я специально отказался от других слуг, чтобы никто не нарушал тишину.

– Если что я тоже не любительница шумных вечеринок, – неловко пошутила я, хотя мне стало немного не по себе.

Все-таки находиться в огромном жутковатом доме наедине с этим странным типом – не самая лучшая перспектива на сегодняшний вечер. Я не испытывала страха в привычном понимании, в жизни со мной случались и куда более неприятные ситуации.

Однако мрачная, тягучая атмосфера особняка вкупе с этим загадочным немногословным мужчиной ощутимо давили на психику. Слишком многие из просмотренных мной фильмов начинались в подобных декорациях и кончались, как правило, не самым лучшим образом.

Посмотрим, что еще за мальчишку мне предстоит опекать. Судя по всему, его окружению и, конечно, обучению в Англии, он как минимум высокомерен, словно наследный принц. В худшем случае еще и жутковато странный, как главный приближенный своего папаши.

– Если вы... ты еще что-то хочешь спросить, лучше обратиться ко мне. – Игнат выпрямился и стал стягивать с рук длинные, испачканные в земле и удобрении перчатки, – вряд ли ты найдешь нужную информацию в интернете.

И огорошив меня этими словами, он направился обратно к дому.

Я со злостью потушила окурок о край пепельницы и ринулась следом, закипая от растущей ярости.

Да, мне была устроена показательная экскурсия по дому, но в комнату, оснащенную мониторами с трансляцией записей камер со всех комнат, этот самодовольный индюк почему-то не потрудился меня проводить.

Мысль о том, что он вел со мной светские беседы, а сам украдкой подглядывал за мной, когда я осталась наедине с собой, казалась невыносимо отвратительной.

Игнат резко остановился и обернулся ко мне так внезапно, что я чуть не врезалась в него и чудом успела затормозить в нескольких шагах, шаркнув кроссовками по каменной дорожке.

Он загадочно улыбался.

– Не беспокойся, я не любитель следить за людьми, – примиряющим тоном сказал он, словно прочитав мои мысли, а скорее пылающее на лице возмущение, – но мне нужно убедиться, что тебе можно доверять. Есть пожелания насчет обеда?

«В задницу засунь себе свой обед», – злобно подумала я.

Да, конечно, не стоило ждать ничего хорошего от заказа, любезно предоставленного мне Иваном. Так что при следующей встрече я обязательно отыграюсь на нем и его безупречной улыбке.

Игнат явился к моей двери ранним утром.

Я уже бодрствовала, о чем он, конечно же, уже знал благодаря своему замечательному вездесущему видеонаблюдению.

Я всегда просыпалась рано и отправлялась на утреннюю пробежку, но сегодня провалялась в постели.

Ночью я плохо спала, мне снились жутковатые сны, напоминающие фильмы ужасов из пятидесятых, а заботливое воображение добавляло к ним выдуманные шаги и голоса в пустых лабиринтах комнат огромного особняка.

Я спрятала следы недосыпа за солнечными очками и, проигнорировав предложение завтрака и пожелание доброго утра, спустилась сразу на парковку.

Игнат совершенно спокойно воспринял мое недоброе расположение духа и вежливым тоном сообщил информацию о времени прибытия и номере поезда Клауса.

Я была немного удивлена, что при таком богатом отце мальчик путешествует не личным самолетом, но проглотила полученные данные.

Однако, к моему величайшему удивлению и раздражению, Игнат отправился встречать Клауса вместе со мной.

Он выгнал из гаража красивый черный «Роллс-Ройс» и галантно открыл передо мной заднюю дверцу.

Я проигнорировала его предложение и уселась на пассажирское сиденье рядом с водителем. Конечно, мой внутренний ребенок уже умерил пыл собственного гнева и страстно желал попросить разрешения посидеть за рулем такой роскошной машины, но я сдержалась. Весь мой восторг разбился о суровые скалы гротескности ситуации – Игнат сам занял водительское место и в придачу ко всему еще натянул на руки нелепые белые перчатки.

Я едва проглотила свой резкий комментарий и всю дорогу до вокзала перебирала в голове кинематографические образы, невольно всплывавшие в памяти.

К концу пути я наконец-то поняла, кого мне сейчас напомнил мой неприятный новый знакомый – личного водителя принцессы Ада из интерпретации «Орфея» Жана Кокто.

Как же его звали? Имя еще такое сложное...

Отлично, теперь я хотя бы знаю, в каком фильме случайно очутилась по вине Ивана.

На платформе было почти безлюдно, все-таки вести о бушующей эпидемии доползли и до оторванного от всего мира Тарасова, и жители попрятались по домам.

Мы с Игнатом приехали почти за полчаса до прибытия поезда и теперь топтались рядом друг с другом в состоянии страшной неловкости.

Меня все подбивало спросить, наблюдал ли этот маньяк, как я сплю, но я предпочитала лишний раз не нарываться на конфликты. Мне предстоит сосуществовать с этой пугающей личностью в одном пространстве ближайшие две недели и в моих же силах не усугублять положение.

Я уже придумала выход из ситуации и примерно наметила в комнате места, в которых могла располагаться камера, чтобы на всякий случай заклеить их жвачкой. Заодно, конечно, проверить и прилегающий к спальне санузел, на случай особенной извращенности наблюдателя.

В этот момент я еще не знала, что Игнат в этом доме еще не самое страшное зло. И узнать это мне предстояло с минуты на минуту.

С первого взгляда Клаус не произвел на меня впечатления маленького монстра. Обычный подросток шестнадцати лет: лохматые светлые волосы, спортивная куртка с эмблемой известной марки одежды, наушники и потертые джинсы в дырках – явно он не был похож на того мрачного принца, которого рисовало мое воображение после знакомства с особняком и единственным его обитателем.

Парень довольно вежливо попрощался с проводником и направился к нам, одарив меня заинтересованным и довольно любознательным взглядом.

– Привет, красотка, – обратился он ко мне и без предупреждения пихнул в руки Игнату объемную сумку, производящую впечатление довольно тяжелого предмета.

– Повежливее, молодой человек, – тут же вступился за меня Игнат, с достоинством принимая поклажу мальчишки. – Это Евгения, твой телохранитель.

– Тшш... Дракула, – шикнул на него Клаус, и я невольно улыбнулась от такого прозвища. – О, как ты сказал? Тебя зовут Никита? – Это обращалось уже ко мне.

– Приятно познакомиться, – невозмутимо выдавила я, наученная горьким опытом, что любой агрессор теряет интерес, не получив в ответ должной реакции.

Большую часть пути до припаркованного перед вокзалом автомобиля Клаус молчал, не отрываясь от переписок в своем телефоне, и только на последних нескольких шагах он вдруг вспомнил про мое присутствие и набросился с кучей дурацких вопросов:

– А нунчаки у тебя есть? Ты умеешь убивать людей двумя пальцами? – К счастью, его внимание быстро переключилось на «Роллс-Ройс», и он шумно вздохнул. – Вот, блин, опять этот гроб на колесиках. Чего ты на «Лексусе» не приехал?

Игнат пропустил мимо ушей его комментарии, закинул в просторный багажник сумку и занял место за рулем.

Мальчишка плюхнулся на заднее сиденье и тут же выудил из кармана телефон, с которым, кажется, не был готов расстаться даже на мгновение.

– Ну, давай, страшила, вези меня в ад, – скомандовал он Игнату и посмеялся над собственной шуткой.

Кажется, в этот момент я начала понимать, почему главный помощник отца маленького принца был таким безэмоциональным и странноватым. Конечно, с таким-то подопечным, особенно учитывая их, вероятно, довольно частое общение.

К нашему большому везению, всю дорогу Клаус болтал с кем-то по видеосвязи и мало обращал внимания на наше скромное присутствие.

На месте он первым выпрыгнул из машины и окинул взглядом огромный мрачный дом.

– М-да, ну и склеп батя отстроил, – протянул он и сделал фотографию на телефон.

Я оглянулась на Игната, позабыв все свои прежние обиды, и встретила понимающий взгляд в ответ.

Эти две недели обещают быть веселыми. Возможно, предложение о работе на хлебопекарном заводе действительно было лучшей перспективой развития событий.

Глава вторая

Удивительно, но первые несколько дней прошли спокойно.

Клаус, сразу без стеснения выразивший не самое лестное мнение о попытках отца отстроить в скромном пригороде Тарасова мрачный готический дворец, предпочел запереться в своей комнате.

В это прекрасное время, наполненное тишиной и гармонией, мне даже невольно начало казаться, что задание по опеке над богатым отпрыском действительно будет относительно простым даже при всех сопутствующих ему экзотических декорациях.

Мальчишка наказал Игнату не беспокоить его уборкой и даже еду приносить прямо к двери, и не показывался нам на глаза.

За этот промежуток времени я отлично научилась различать все малейшие шорохи, доносящиеся из-за плотно закрытых дверей его спальни, его голос, когда он с кем-то созванивался по скайпу, практически всегда общаясь с

собеседниками по-английски.

Я мысленно разделила его контакты на две категории: друзья, с которыми он разговаривал более непринужденно, постоянно прибегая к использованию сленговых словечек и довольно простодушной матерщины; и, вероятнее всего, репетиторы или, быть может, все-таки очень умные друзья, с которыми и алгебру с физикой обсудить увлекательно.

В любом случае, эти слабые попытки Клауса продолжать учебу даже во время вынужденной самоизоляции вызвали во мне волну симпатии к мальчишке за проявленную сознательность.

По большей части я была предоставлена сама себе и с легкостью нашла довольно большое количество занятий, которые предоставлял мне оснащенный всем необходимым для счастья особняк.

Со стороны могло показаться, что я полностью расслабилась и потеряла сноровку, но, даже занимая себя мелкими приятными делами, я все равно находилась в напряжении. Все-таки старая привычка постоянно контролировать окружающую меня действительность много раз спасала мне жизнь. И конечно, вызывала волну праведного возмущения у моего мануального терапевта, которого я изредка посещала по настоянию тети Милы.

Врач любила повторять, что все это постоянное напряжение скапливается у меня в позвоночнике, и если не принять вовремя соответствующие меры, то к тридцати пяти я обзаведусь остеохондрозом и буду ходить скрюченная, как старая бабка. На мою беду, сама терапевт плотно дружила с моей тетушкой и пересказывала ей все свои наблюдения, отчего я слышала их куда чаще редких сеансов у врача. Из-за этого любимым развлечением у тети Милы стало пугающе неслышное появление у меня за спиной во время работы за ноутбуком, со всеми вытекающими последствиями.

Я не один раз пыталась объяснить тетушке, что, учитывая специфику моей профессии, у меня уже выработался определенный набор рефлексов на случай появления опасности сзади и, не дай бог, как-нибудь продемонстрировать ей возможное развитие событий.

Вспомнив обо всем этом в один из тихих, спокойных дней в особняке, я убедилась, что Клаус по-прежнему постигает азы геометрии в своем убежище социофоба, и спустилась во двор, чтобы хоть немного позаботиться о своем позвоночнике.

Последние полгода я регулярно планировала приобрести абонемент в бассейн, и теперь жизнь сама предоставила мне подходящую возможность.

К счастью, маниакально заботливый Игнат, или какой-то другой невидимый домовый, наполнивший особняк всем необходимым, услужливо предоставил к моим услугам в шкафу скромный закрытый купальник и набор ослепительно белых и благоухающих свежестью альпийских лугов махровых полотенец.

Белый мажорский халат я предпочла оставить в шкафу, чтобы не слишком увлекаться ролью гостыи знатного благородного семейства.

За все минувшие дни я практически не сталкивалась с Игнатом, чему была несказанно рада, ведь неловкость первого дня нашего знакомства не успела исчезнуть окончательно. Он не приносил мне еду в комнату, как Клаусу, но деликатно оставлял ее в просторной столовой.

Нужно отдать должное, готовил он очень даже неплохо. И все равно я заклеила все найденные камеры в комнате жвачкой и почувствовала себя намного приятнее и от обозначения четких границ личного пространства, и, конечно, от лишней возможности подразнить этого напыщенного индюка.

Апрель был холодным, но вода в бассейне действительно поддерживалась на максимально комфортном уровне – недостаточно холодная, чтобы замерзнуть, но и не слишком горячая, чтобы обессиленно лежать на воде, предпочитая физической активности спокойное времяпровождение ленивого тюленя.

Я успела вдоволь насладиться свежим воздухом и успокаивающим контактом тела с водой, когда заметила на горизонте Игната. К счастью, направлялся он не ко мне, а к своим обожаемым розовым кустам. Вероятно, пришло время каких-то садоводческих ритуалов, в суть которых я предпочитала не вникать, несмотря на все старания тети Милы.

Когда только начались первые тревожные звоночки происходящего в мире эпидемиологического кризиса, тетушка целый вечер посвятила рассуждениям о том, как было бы славно уехать на дедушкину дачу, посадить там все необходимые продовольственные культуры и стать полностью независимыми от общества.

Я не встретила эти разговоры с должным восторгом, сразу представив себе затекшую от неудобной позы спину и палящее солнце, расплавляющее меня прямо по заросшим сорняками неумелым грядкам.

Да, я умела многое и разбиралась в растениях, но больше внимания уделяла вопросам их целебных или ядовитых свойств, часто сталкиваясь с очень изобретательными в этом вопросе отравителями.

За время моей блистательной карьеры я могла бы составить целую антологию самых странных ингредиентов для ядов, которыми пытались накормить моих подопечных.

Раздумывая об этом, я завершила десятый круг басом и остановилась, чтобы перевести дыхание.

Мрачная фигура Игната тут же нарисовалась прямо надо мной. Видимо, все свои манипуляции с розами он благополучно произвел и перешел к следующему любимому занятию маньяков – молчаливому и пугающему наблюдению. Но обошлось: он вдруг заговорил:

– Извини, что отвлекаю, – прокашлявшись, начал он, – но вечереет и становится прохладно. Тебе стоило бы отложить водные процедуры на завтра, чтобы...

– Спасибо, мам, – буркнула я и нехотя вылезла из бассейна.

Игнат стоял так близко, что капли, стекавшие с меня, упали на его идеально-чистые лакированные ботинки.

«Очень подходящая обувь для садоводства, если ты закапываешь свежий труп», – подметила я.

Мужчина учтиво протянул мне полотенце.

– Клаус только пытается усыпить твою бдительность, – прямо сказал Игнат, – он в любой момент может взяться за свои выходки и лучше бы, чтобы к этому моменту простуда не сказывалась на твоей работоспособности.

Я понимающе кивнула, завернулась в полотенце и пошлепала к дому босыми ногами.

Мне мучительно хотелось обернуться, подняться в беседку и полюбоваться видом вечерних огней в спускающихся сумерках, но я спасалась бегством от дальнейших неприятных разговоров.

И все-таки они были неминуемы. Игнат последовал за мной.

– Я хочу тебе кое-что показать, – сказал он, понизив голос.

– Хорошо, только я сначала переоденусь, – нехотя согласилась я.

– Я буду ждать внизу.

Вернувшись в комнату, я специально не торопилась возвращаться на первый этаж особняка – долго смывала с себя слегка хлорированную воду в теплом душе, долго сушила волосы и выбирала из всех своих футболок с ироничными надписями самую ироничную, пока не остановилась на самой любимой, черной, с желтыми буквами: «A film by Quentin Tarantino».

Привычка одеваться слегка по-мальчишески и отдавать предпочтение комфортным вещам, главным изыском которых были понятные практически мне одной шутки и отсылки к фильмам.

Строгая военная форма и вся связанная с ней атрибутика вызвали неприятные ассоциации со временами строгой муштры в военном училище; женственные и заведомо неудобные вещи со всеми кружевами и рюшечками оскорбляли мою маленькую внутреннюю пацанку, тщательно воспитанную отцом с малым участием в том матери.

Конечно, отыскав в просторах гардеробной своего временного места пребывания купальник, я ожидала встретить там еще и парочку мрачных готических одеяний, подготовленных незримым хозяином для особых случаев. Например, как этот.

Даже имея довольно богатую и бурную фантазию, я абсолютно не могла представить себе того предмета, который собирался показать мне Игнат. В голову лезло что-то вроде системы потайных ходов, предусмотренных в доме, или подzemелье, украшенное черепами и идеально подходящее для совещаний масонских лож со всеми вытекающими последствиями.

Игнат покорно дожидался меня возле нижних ступеней лестницы. Никаким образом он не выдавал недовольства по случаю моей задержки, хотя любой нормальный человек уже давно обрушил бы на меня неоднозначно красочную тираду. Точно я не была в этом уверена, так как военная подготовка сделала меня исключительно пунктуальным человеком, являвшимся на любую встречу четко в назначенное время – не минутой позднее, не минутой ранее. Но в этом заколдованном доме даже я изменила своим обычным привычкам.

Игнат молча пошел передо мной, кивком пригласив следовать за собой. В его руках позвякивала связка ключей.

Проведя меня через анфиладу комнат, он остановился перед маленькой неприметной дверью, которая не особенно привлекла мое внимание во время прошлой экскурсии. Логичнее всего было предположить, что за дверью скрывается кладовка или чулан, но, к моему величайшему удивлению, внутри оказалась комната с очень скромным убранством – стол с компьютером и креслом перед ним, кровать и шкаф.

Запоздалое осознание того, что место, где я сейчас нахожусь, является не чем иным, как жилищем Игната, сделало ситуацию еще более неловкой.

Я серьезно задумалась, что из моих поступков могло дать повод для таких неоднозначных выводов, и пришла в тупик.

Но Игнат вовсе не планировал предлагать мне что-то, находящееся за пределами приличий. Он пригласил меня сесть на стул и включил компьютер, быстро щелкнул мышью, открывая единственную на рабочем столе программу.

Конечно, программа была мне знакома и предназначалась для сведения видеотрансляций с камер наблюдения.

Следом Игнат водрузил мне на голову наушники и усилил громкость воспроизведения звука.

Я невольно вздрогнула от его случайного прикосновения к моим волосам во время этого действия, взбудораженная своими недавними подозрениями на его счет.

На экране была комната Клауса. Парень сидел, развалившись на кожаном диване, и играл в видеоигры в наушниках.

Я не сразу поняла, на что именно Игнат хочет обратить мое внимание в довольно невинном времяпрепровождении мальчишки. Только присмотревшись и прислушавшись, я заметила лежащий на кровати ноутбук, в котором транслировалась запись урока с репетитором по скайпу.

Я нахмурилась, стянула наушники и обернулась на Игната.

– Я слишком давно его знаю, – с каким-то трагичным вздохом прокомментировал он, – Клаус очень изобретателен. Нам повезло, что пока ему не наскучили игры и он не предпринял попытку сбежать...

– И куда он побежит в Тарасове? Тут мало развлечений для избалованного подростка, – не удержалась я от желания поспорить со слишком серьезным тоном Игната.

Все-таки это всего лишь ребенок. Ребенок, все друзья которого живут в тысячах километров отсюда, пока он заперт в скучном захолустном городишке.

– Он всегда находит себе приключения, – беззлобно откликнулся Игнат, которого совсем не задела моя попытка развенчать его убежденность, – и здесь тоже найдет. Не расслабляйтесь, Евгения.

От этого официального обращения мне стало холодно и неприятно.

Конечно, я была благодарна за проявленное содействие в выполнении моего задания, но что-то в этом разговоре задело мое чувство собственного достоинства. Как будто, по мнению Игната, я приехала сюда, чтобы нежиться в бассейне и смотреть фильмы на большом телевизоре, наслаждаясь приготовленной им стряпней.

В действительности больше всего на свете я не любила ждать, находясь в вялотекущем постоянном напряжении. Задания, в которых все было просто и понятно, были для меня в приоритете. И в конце концов, я была обучена устранять реальную угрозу, а не быть нянькой для капризного мальчишки, если вдруг ему задумается нарушить папочкин указ сидеть дома.

Игнат словно заметил перемену в моем лице и смягчился, насколько это было возможно при практически полном отсутствии разнообразия его мимики.

– Мне жаль, что заставил вас... тебя думать, что подглядываю за тобой, – поделился он, и я усмехнулась тому, что за небольшой промежуток времени получила рекордное количество извинений от разных людей, и что важнее – извинений, в которых не особенно нуждалась.

Мы все-таки с Игнатом не пытались стать закадычными друзьями. Даже представить себе не могу обстоятельства, чтобы по прохождении приличного отрезка времени после окончания этой миссии я позвонила ему и спросила, как дела.

Конечно, получив в ответ: «Да, вот розы удобрил. Сижу тут один в мрачном доме, пыль стираю с рояля, а ты как сама?»

Более бессмысленной и странной перспективы в моей жизни еще не представлялось. Но пока я думала обо всем этом...

Игнат продолжил:

– Камеры – необходимость. Особенно учитывая характер Клауса.

Я немного остыла. Все-таки в большинстве элитных домов и квартир, где мне доводилось бывать по долгу службы, я так или иначе имела дело с

видеонаблюдением, к которому мне обычно предоставлялся доступ. Но злилась я не потому, что каморка с трансляциями не была продемонстрирована мне во время первой экскурсии. Сама не знаю, почему я злилась.

– Зачем здесь я, если ты и так отлично справляешься с присмотром за мальчиком? – ляпнула я, проклиная собственную прямолинейность.

Но я испытывала невероятный азарт и всеми силами желала вывести этого истукана из равновесия.

– Не справляюсь, – вздохнул Игнат с плохо скрываемой грустью в голосе.

Я пожалела, что завела этот разговор, предчувствуя новую сентиментальную историю.

– По причинам, от меня не зависящим, я способен только приглядывать. – Я вспомнила его рассказ о том, что начинал свою карьеру он в качестве телохранителя, и совсем запуталась в версиях. – В случае реальной угрозы я абсолютно бесполезен.

Теснота маленькой комнаты без окон искрила от напряжения. Мне хотелось отсюда сбежать, потому что я невольно надавила человеку на больное место, о существовании которого абсолютно не имела представления и догадок, и меня посетило невольное чувство вины. И при этом я не была готова сдаться и умерить свой натиск, я была откровенно зла. Я привыкла к прямоте: мне давали конкретную задачу, я выясняла все подробности и выполняла ее. А этот загадочный персонаж выдавал одну за другой загадки, постоянно что-то недоговаривал и был уверен в том, что я восприму это как должное, включившись в эту идиотскую игру в готический роман.

– Почему? – как могла мягко спросила я, не в силах удержать своего любопытства.

– Проблемы со здоровьем, – однозначно ответил Игнат, и я поняла, что этой фразой он попытался отмахнуться от крайне неприятного разговора. И словно подтверждая мои подозрения, он предложил: – Не составишь мне компанию за ужином?

– Неужели надоело одиночество? – насмешливо откликнулась я.

Игнат уже было открыл рот, чтобы ответить, но промолчал и быстро удалился из комнаты, оставив мне право выбора.

Я не могла ничего поделать с собой, но так или иначе все-таки чувствовала себя виноватой. Именно это обстоятельство заставило меня согласиться на предложение совместного ужина.

Я устроилась за длинным обеденным столом и терпеливо дожидалась возвращения Игната, отправившегося к Клаусу с подносом еды.

Через некоторое время наверху хлопнула дверь, а затем послышался звон посуды и грохот металла. А следом возмущенный голос Клауса:

– Мне надоела твоя стряпня! Хочу пиццу! Закажи где-нибудь... В этой дыре вообще есть нормальная пиццерия?!

Я не слышала ответа Игната, потому что не в его манере было повышать голос даже в неприятных ситуациях, но вернулся он довольно раздраженным, по пути отряхивая со своего безупречного черного костюма ошметки китайской капусты.

Проигнорировав мое присутствие, он поставил поднос с остатками разбитой посуды на дальний край стола и принялся быстро искать что-то в телефоне.

Как я могла догадаться, он подбирал пиццу, которая удовлетворит каприз маленького принца.

Когда заказ был сделан, он уселся на соседний от меня стул и повернулся в мою сторону.

– Его высочество изволят желать пиццу, – сказал он весело и вдруг рассмеялся.

Я даже опешила, потому что за все время, проведенное в этих мрачных стенах, толком не видела этого человека даже нормально улыбающимся.

Нужно отдать ему должное – у него был очень славный смех, и искаженное им лицо стало более простым и человечным, сразу располагая к дружескому общению.

Я с трудом подняла упавшую от удивления челюсть и тоже изобразила подобие улыбки.

– Началось, – торжественно объявил Игнат, и до нас донеслись шумные шаги Клауса, спускающегося по лестнице.

Клауса интересовали вовсе не мы, и я отнюдь не была разочарована таким поворотом событий. Мальчик направлялся в сторону кухни и какое-то время грохотал там посудой и хлопал дверцами шкафов. Затем он снова поднялся на второй этаж.

Все это время мы с Игнатом сидели в напряженном молчании, словно два хищника, преследующие общую жертву и вынужденные соревноваться за то, кому она в итоге достанется.

Со стороны эта картина, вероятнее всего, выглядела довольно сюрреалистично. Впрочем, практически все происходившее в этом особняке было вполне достойно такого определения.

В конце концов я все-таки решила перевести взгляд на Игната, чтобы сказать что-нибудь едкое. После его довольно бурной реакции на выход мальчишки из комнаты должно было последовать действительно грандиозное событие – я была уверена, что Клаус возьмет и выкинет что-то, чего мы все так долго ждали.

Через небольшой промежуток времени в прихожей раздалась трель звонка – так жители дома оповещались о том, что какой-то грязный простолюдин стоит у ворот, нуждаясь в их благосклонности. Конечно, мы же ждали курьера. И снова топот по лестнице.

Игнат вдруг весь напрягся, стряхнул тень недавней улыбки с лица и ринулся в прихожую.

Заинтригованная тем, что наконец-то увижу Клауса в действии, я, конечно же, последовала за ним. И очень кстати.

Зрелище, которое меня ждало, было действительно феерическим, хотя на первый взгляд не представляло ничего особенного – мальчишка забирает у курьера коробки с пиццей.

Важно было то, как именно он их забирал.

Клаус явно нарушил не только допустимо безопасные меры социальной дистанции, но просто беспощадно пересек все границы личного пространства курьера. Более того, он вцепился в плечо несчастного и оглушительно кашлял какой-то коричневой жижей прямо на коробки с пиццей.

Курьер был напуган, ошарашен и всеми силами пытался вырваться из хватки подростка, чтобы убежать к брошенному в траве старенькому велосипеду.

– О боже! – через кашель хрипел Клаус. – Я заразился! Помогите!

Игнат среагировал молниеносно – оттащил мальчишку в сторону, извлек откуда-то из недр своего идеального костюма белый платок (конечно же, он у него был, я почему-то совершенно не удивилась) и принялся оттирать забрызганную непонятной субстанцией форму курьера. После он сунул бедняге скомканную купюру и вытолкнул наружу, захлопнув перед ним калитку, и обернулся к Клаусу.

– Ты совсем охренел, – резко сказал он, не повышая при этом голос.

Я с трудом сдержала смех от того, как подобная простая человеческая речь контрастировала с его обычной вычурной манерой выразиться.

– Может, я правда заразился! – заявил Клаус и демонстративно харкнул на идеально подстриженный газон.

Я наблюдала эту сцену и почему-то представляла Игната с газонокосилкой, часами трудящегося над тем, чтобы каждая травинка имела одинаковую длину.

– Клоун, – фыркнул Игнат и за локоть потащил мальчишку к дому.

– Если я не болен, почему не могу выходить на улицу? – по пути возмутился Клаус. – И ты тоже поверил во всю эту чушь с эпидемией? Я думал, у тебя больше мозгов...

Игнат не реагировал на его бурные речи, а мальчишка не унимался:

– Эта пицца – полный отстой, отвези меня в нормальную пиццерию... она как ботинок, сам жуй ее... Эй!

Клаус резко остановился, словно молодой конь, который противился погонщику, тащившему его за поводья, и обратил внимание на мою скромную персону:

– Ну скажи ему, Никита! – с надеждой обратился ко мне он. – Это же отстойная пицца...

– Нормальная пицца, – пожала плечами я.

«Ох, дружок, поживи в Тарасове с мое и поймешь, что нужно довольствоваться тем, что в этой дыре вообще есть пиццерии с доставкой на дом».

Конечно, привык к огромному разнообразию в своем Лондоне или где он там учился.

Клаус довольно долго вглядывался мне в лицо, после чего презрительно скривился и задрал нос.

– Да что ты понимаешь! – выдохнул он разочарованно. – В своих армейских казармах одну кашу жрала?

Я задумчиво почесала переносицу, даже не зная, стоит ли отвечать на его реплику или благоразумнее будет промолчать.

Конечно, он меня совершенно не задел этим выпадом, и было наивно полагать, что подобная ерунда в принципе кого-то может выбить из равновесия. Но что-то язвительное в ответ так и вертелось на языке.

– Это ты одну кашу будешь жрать теперь, – осадил его Игнат и рванул мальчишку за плечо в сторону дома.

Я так и осталась стоять на улице, не в силах отказать себе в искушении подышать свежим вечерним воздухом.

К несчастью, находясь в особняке, я была вынуждена отказать себе в любимых вечерних пробежках – отлучаться надолго с территории было нельзя, а наворачивать круги вокруг дома под пристальным наблюдением Игната представлялось не самой лучшей перспективой.

Воздух был таким пьяняще свежим, что хотелось просто заночевать на улице, быть может, в беседке или у бассейна.

Одним из безусловных плюсов середины весны было отсутствие надоедливых комаров и прочих ночных насекомых, всегда норовивших испортить единение с природой.

Я слушала приглушенные звуки спящего поселка и доносящуюся из дома перепалку Клауса и Игната.

На втором этаже хлопнула дверь. Через некоторое время рядом со мной нарисовался Игнат, и я испугалась, что сейчас услышу очередную лекцию об угрозе простуды, но ее не последовало.

Игнат молча остановился рядом и какое-то время задумчиво вглядывался в темнеющее небо, оттирая пальцы от коричневой жижи уже не таким уж безупречно белым платочком.

Мне стало как-то неловко от его присутствия и захотелось уйти в дом, но в то же время это слишком показательно говорило бы о том, что он мне неприятен.

– Кленовый сироп, – сказал Игнат, и я не сразу поняла, что речь идет о грязи на его руках, – он смешал кленовый сироп с вареньем.

– Ну... это хотя бы не мерзко, – усмехнулась я, – но курьера он все равно напугал. Здесь довольно простые люди, они быстро начали паниковать так, словно в

городе самый центр эпидемии. Спорим, побежит искать платную клинику, чтобы сделать тест?

- Потому я и дал ему еще денег, - спокойно откликнулся Игнат, - ну, и за беспокойство, конечно...

- Босс выдает щедрые чаевые для таких случаев? - зачем-то спросила я. - И часто приходится за ним «прибираться»?

- Я откладываю на это с зарплаты, - честно ответил Игнат, не заметив ироничного тона моего голоса, - ее размеры вполне позволяют...

- А... Тебе еще и платят? Я думала, у тебя какой-то зловещий контракт за собственную душу или что-то типа того, - не удержалась я от ехидства.

Игнат грустно улыбнулся в ответ и ушел в дом.

Конечно же, очень в его стиле. Многозначительно дал понять, что в моей шутке доля правды. Ну и жуткий же тип!

- Мне нужно купить новые кроссовки! - заявил Клаус и швырнул парой довольно дорогой, по моим подсчетам, обуви в Игната, который тут же ловко увернулся.

Это противостояние длилось уже несколько дней - Клаус придумывал новые и новые поводы, чтобы мы отвезли его в город.

- Закажи через интернет, - спокойно отозвался Игнат, - или я сам тебе закажу какие-нибудь розовые со стразами.

- Не хочу через интернет, мне может не подойти размер! - настаивал Клаус.

- Закажи несколько.

Клаус возмущенно зарычал и утопал обратно к себе в комнату.

Игнат забрал с пола брошенные мальчишкой кроссовки и удалился с ними куда-то в направлении кухни.

Вообще, я начала уважать его за полное хладнокровие с мальчишкой, поведение которого в отношении слуги было совершенно отвратительным.

Боже! Я уже сама начала называть его «слугой», скоро и сама поклянусь в верности нашему далекому хозяину.

Выбраться бы хоть ненадолго из этого дома, пока не слишком увлеклась игрой в готический роман.

Впрочем, наверное, не стоило испытывать к Игнату уважения, поскольку во многом он сам провоцировал Клауса. Веди он себя менее чопорно, возможно, эмоциональный мальчишка немного сбавил бы свой пыл. Даже я, ничего не понимающая в обращении с детьми, понимала, что подростков только подначивает такое отношение к ним, а дух противоречия и затмившие мозги гормоны заставляют еще усерднее делать гадости в ответ.

Я вышла из дома, обошла его и оказалась примерно там, где, по моим подсчетам, находились окна комнаты Клауса. И очень даже не зря, потому что к моменту моего появления мальчик уже успел спуститься по густому, оплетающему стены многолетнему плющу и спрыгнул на землю прямо передо мной.

– Опять ты, – буркнул он разочарованно.

Я внимательно оглядела новенькие кроссовки, красовавшиеся на нем.

– А эти тебе чем не угодили? – кивнула я в их сторону.

– Ну давай, прочитай мне лекцию о том, что человек должен довольствоваться малым, – ощерился подросток, – например, выданными начальством кирзовыми сапогами...

Я с интересом посмотрела на собственные поношенные кеды.

- Думаешь, у меня есть кирзовые сапоги? – ухмыльнулась я. – Откуда ты вообще это слово знаешь?

- Я не тупой, – обиделся Клаус и, игнорируя мое присутствие, направился в сторону автомобильного гаража прямо по газону.

Ох, видел бы это Игнат! А впрочем, вероятно, сейчас он наблюдает за нами через очередную камеру в своей жуткой камерке.

Я преградила мальчику дорогу.

- Далеко собрался?

- Да блин! – шумно выдохнул он. – Что такого случится, если я поеду в город?

Я пожевала губу, изображая страшную задумчивость.

- Первое, – я загнула один палец, – ты расстроишь батю, который велел тебе посидеть дома каких-то пару недель; второе – ты разочаруешься отсутствием достойных тебя развлечений в Тарасове, в-третьих... тебе шестнадцать, и даже если у тебя есть заграничные права, здесь ты проедешь на них до первого дорожного патруля, который вернет тебя нам обратно. А мы тебя везти никуда не собираемся.

- Я вызову такси, – у Клауса на все был свой ответ и, конечно же, точка зрения, – и вообще, может, я в музей собираюсь...

- Вау, – не сдержалась я, – и что из музейного разнообразия Тарасова тебя заинтересовало?

- Ну какая же ты душная, – фыркнул мальчишка и попытался обойти меня стороной, – сама не устала тут торчать? Ладно, то этот...

- Этот? – переспросила я в надежде, что сейчас узнаю что-нибудь новенькое об Игнате.

– Игнат, – закончил Клаус, перепутав мое любопытство с попытками привить ему уважение к старшим.

Пойдя на подобный компромисс, он заглянул мне в глаза с такой мольбой, словно я была хирургом, который только и мог вылечить его смертельно больную собаку. Вероятно, он надеялся на мое понимание.

– У тебя сижки есть? – вдруг спросил он, нарушив все известные мне понимания о субординации.

Да, я выгляжу несколько моложе своих лет, многие знакомые запросто давали мне приятные двадцать – двадцать два, а продавщицы напрочь отказывались пробивать алкоголь без паспорта. Но это не повод какому-то мальчишке думать, что я сейчас пойду с ним курить за гаражи и обсуждать девчонок.

– Есть, но я тебе их не дам, – спокойно заявила я. – Какое тебе вообще дело?

Клаус тяжело вздохнул.

– Не хочешь травку покурить? – предложил он. – Мне одному скучно.

– Я тебе не подружка, – напомнила я, – и вообще это...

– Бла-бла... запрещено, – перебил мальчишка, и его глаза злобно засверкали. – Пойдешь рыться в моих вещах? Я отцу позвоню, чтобы тебя выкинули отсюда.

– Я очень испугана. – Я демонстративно подняла руки вверх. – Давай.

Клаус сплюнул себе под ноги, обошел меня и направился к дому, всем своим видом демонстрируя величайшее презрение.

За следующие несколько дней я еще пару раз ловила его возле зарослей плюща, один раз сняла с забора, прежде чем не отняла ключи от отцовского «Лексуса», оказывается, покрывавшегося пылью в гараже.

После я долго недоумевала, зачем только олигарху было тащить сюда машину, которая для Клауса, падкого на дешевый выпендрож (ладно, очень дорогой),

была как красная тряпка для быка.

А дальше произошло следующее.

Ранним утром, когда я еще не успела даже спуститься к завтраку, мое внимание привлекли шумные голоса и женский смех, доносящиеся из комнаты Клауса.

Через некоторое время процессия вывалилась из его апартаментов, и спустилась вниз и затихла.

Заинтригованная присутствием в нашем доме внезапных гостей, я отправилась на поиски того места, куда Клаус удалился со своей компанией, и обнаружила их возле бассейна.

Компания состояла из четырех девушек, внешность которых откровенно кричала о роде их профессии.

Одна красотка плавала в бассейне; две другие расположились на траве на разложенном покрывале с кровати и шумно болтали, а последняя восседала в шезлонге на коленях Клауса.

Помимо большого количества страшных и странных вещей, увиденных мной в жизни, была еще и определенная категория очень мерзких явлений.

Нечто, вероятно, являвшееся поцелуем, но на деле выглядящее так, словно нашего избалованного принца пожирает инопланетное чудовище, почти полностью проглотив его лицо, увенчало мой список и заняло одно из первых мест.

Я даже не представляла себе раньше, что бывают женщины с настолько огромной и вместительной пастью. Пожалуй, теперь я внесу их в разряд тех вещей, которых стану остерегаться всю оставшуюся жизнь.

– Эй! Привет, давай к нам! – помахали мне девицы на траве, намазывавшие тощие ноги жирным слоем крема для загара.

И какой, к черту, загар в апреле?

Вероятно, меня приняли за подоспевшее подкрепление.

Фу, и какая же гадость!

- Доброе утро, - негромко сказала я, чтобы привлечь внимание Клауса.

Мальчишка действительно отвлекся от своей подружки и уставился на меня мутными глазами. Вся его физиономия была перемазана в помаде.

- Мне стало скучно, и я позвал девочек, - без тени смущения в голосе заявил он. - Присоединяйся. У нас тут коктейли... Что пьешь?

- По утрам я предпочитаю кофе, - буркнула я, раздумывая, как мне следует поступить с увиденным.

Технически Клаус не покидал пределы участка, да и жизни его ничто не угрожало. Если его, конечно, не сожрет новая любвеобильная подруга.

Решение педагогических проблем и этических вопросов в мои обязанности никак не входило, так что гипотетически я могу спокойно отправиться заниматься своими делами.

В действительности у телохранителей существует определенная этика в отношении занятий и специфических увлечений своих клиентов. Но касается ли это детей, проводящих время в обществе проституток?

- Ну, скажи Игнату, чтобы сделал тебе кофе, и присоединяйся, - великодушно распорядился молодой барин и демонстративно поднял бокал с какой-то цветной жижей, - вот он идет. Привет, Игнат!

О, определенно стоит остаться здесь, чтобы не пропустить ни минуты предстоящей баталии.

Я обернулась, с интересом оценивая реакцию Игната на происходящее. Конечно, внешне он был невозмутим.

– Я приветствую наших гостей, – начал он своим обычным тоном дворецкого из лучшего благородного дома, – но, к несчастью, должен сообщить, что вам придется завершить ваше веселье. Я вызвал вам такси.

С глаз Клауса тут же спала мутная пелена возбуждения, он мягко отпихнул от себя девушку и вскочил навстречу Игнату, позволив мне оценить его богатый бархатный барский халат и пока еще безволосую грудь, торчащую из-под него.

– Послушай, ты, – тихо и вкрадчиво заговорил Клаус, – я здесь хозяин и это мои гости. Ты слишком много на себя берешь.

– Здесь хозяин – твой отец, – невозмутимо поправил мальчишку Игнат, – и вряд ли ему понравится, что ты нарушаешь его приказ не приводить сюда посторонних.

Девушки на покрывале перестали болтать, и воцарилось неприятное молчание.

В деревьях на склоне реки пели птицы, далеко лаяла собака, но все равно мне показалось, что сейчас разразится гром.

Клаус внезапно смягчился, хотя глаза его осатанело сверкали.

– Да расслабься ты, – примиряющим тоном сказал мальчишка, – отдохнул бы. Слишком много работаешь, тебе бы не помешало немного ласки... Девочки? – он обернулся к своим гостям и поманил одну из них. – Анжела, подойди.

Полногубая блондинка в бикини неохотно поднялась и неуверенно приблизилась к Клаусу.

Конечно, эти барышни привыкли выполнять разные, порой самые безумные прихоти, но сейчас в воздухе определенно пахло назревающей дракой, которая вряд ли входила в их планы. Мне бы не хотелось оказаться на месте этой девчонки, зажатой между молотом и наковальней.

Игнат застыл, словно каменное изваяние, и, кажется, даже не дышал.

– Анжела, – Клаус наклонился к девушке и ласково отодвинул в сторону ее волосы, склоняясь к самому уху, – поцелуй моего друга.

Эх, знала бы я, что нужно выходить сюда с попкорном. Редко в моей хоть и довольно разнообразной, но в целом скучной жизни происходят подобные напряженные моменты.

Анжела топталась на месте: окаменевший и откровенно недружелюбный Игнат ее мало привлекал.

Клаусу надоела затянувшаяся пауза, он фыркнул и подтолкнул девушку к Игнату, но мужчина протянул вперед руку, не позволив ей приблизиться.

Проститутка поняла, что сейчас произойдет что-то недоброе, и отскочила в сторону.

– Она тебе не нравится? – протянул Клаус. – Может быть, другая... – Он широким жестом указал на остальных девушек, и глаза его презрительно сузились, когда он выдал следующие слова, просто пропитанные насквозь ядом: – Или... тебе только мою мамашу подавай? На других не стоит, да?

В следующее мгновение хрупкое тело подростка с грохотом шлепнулось в бассейн, окатив всех присутствующих волной брызг.

Пока Клаус барахтался в воде, я наконец-то перевела взгляд на Игната, и от моего внимания не укрылось, каким нервным жестом он потер руки. Внешне он по-прежнему был невозмутим.

Клаус с рекордной скоростью выскочил из бассейна и, мокрый и взъерошенный, словно искупавшийся в луже воробей, бросился на Игната с кулаками.

Игнат легко блокировал его выпад и скрутил мальчишке руки за спиной.

– Пусти, урод, – по-детски обиженно запищал Клаус, – я все отцу расскажу... он уволит тебя на хрен! Свали!

Игнат легко освободил подростка из своей хватки, и от неожиданности тот чуть не плюхнулся на траву. Смущенный своим проигрышем в так и не состоявшейся до конца драке, он, поджав хвост, бросился к дому.

Игнат тем временем подошел ко мне, выудил из кармана своего безупречного костюма бумажник и сунул мне внушительную пачку купюр.

– Заплати им и пусть убираются, – сказал он, понизив голос, после чего пошел следом за Клаусом.

– Эм... Девочки, – неловко окликнула я приунывших проституток, – переодевайтесь и домой, вечеринка закончилась.

Несколько дней Клаус не выходил из своей комнаты и, судя по предметам, иногда ударявшимся о стены, и звону бьющейся посуды, был по-прежнему крайне недоволен сложившейся ситуацией.

В самые напряженные моменты я спускалась на улицу, чтобы пресечь его возможные попытки бегства, но каждый раз его окно, окрашенное голубыми всполохами телевизора, было закрыто. Что же, купание в прохладной воде действительно немного остудило его пыл.

Я наслаждалась приятными моментами покоя, предоставленная сама себе, и успела посмотреть приличное количество фильмов, поболтать с тетей Милой по скайпу и перечитать несколько книг.

Одним таким тихим спокойным вечером в двери моей комнаты робко постучали.

Я ожидала увидеть Игната, но на пороге топтался Клаус.

Он выглядел робким, смущенным и потерянным, и во мне даже проснулись какие-то добрые сестринские чувства по отношению к этому избалованному, но страшно одинокому ребенку.

– Эй, Никита, – вместо приветствия заговорил мальчик, и даже придуманное им глупое прозвище звучало скорее мило, оттого, что он, вероятно, действительно

не запомнил моего имени, – может, поужинаешь со мной?

– Вау, – выдохнула я и на всякий случай спросила: – С чего такая благосклонность?

– Мне ужасно надоело сидеть одному, – честно признался Клаус и нетерпеливо спросил: – Ну... что скажешь?

– Ладно, – пожала плечами я, – будь по-твоему.

– Тогда жду тебя внизу, – просиял мальчишка и, явно почувствовав себя увереннее, дружелюбно сказал: – Кстати, классная футболка.

Не могу сказать, что сильно обрадовалась его комплименту насчет моей старой, почти что домашней майки с надписью «Jack Daniels», скорее заподозрила в этом какой-то скрытый намек на предложение вместе отведать чего-то алкогольного, а значит, запрещенного для шестнадцатилетнего подростка.

Но я все-таки вежливо кивнула и закрыла дверь, чтобы переодеться во что-то более строгое. Не стоит подкидывать ему лишний повод нарушать субординацию.

И все-таки, Женя, когда ты стала такой злой? Нужно давать людям шанс. Все-таки этот ребенок просидел дома уже больше недели даже со всеми своими глупыми выходками и попытками сбежать, вероятно, он и правда просто соскучился по человеческому обществу. И учитывая небольшой выбор предоставленных ему вариантов, конечно же, я была лучшей кандидатурой, чем Игнат с их сложными отношениями. Игнат, мало подходивший под определение «человеческого общества».

Ужин был накрыт в гостиной, а по включенному телевизору уже подходила к концу очередная супергеройская франшиза.

Клаус даже подскочил при виде меня, чтобы галантно пододвинуть мне стул.

Однако ужин совсем не выглядел изысканно и состоял из огромной миски с непонятной красной субстанцией и тарелки с мексиканскими лепешками.

– Чили кон карне, – гордо объявил Клаус и протянул мне глубокую тарелку, в которую жирно начерпал красной жижи.

– Ух ты, – выдохнула я, стараясь не выдавать скептического настроения.

– Я сам приготовил, – похвалился подросток, – у меня сосед по комнате пуэрториканец, научил старому семейному рецепту.

После такого резюме мне не оставалось ничего другого, как попробовать приготовленную Клаусом стряпню. И, нужно отдать ему должное, блюдо оказалось довольно вкусным, хотя и обжигающе острым.

Клаус украдкой поглядывал на мою реакцию, щелкая пультом телевизора, чтобы не выдавать смущения.

Конечно, все дети с дефицитом внимания, как правило, очень остро нуждаются в поощрении. Мне ли об этом не знать?

Отец постоянно был мною недоволен, начиная с того, что я родилась неподходящего пола, и заканчивая тем, что не стала как минимум министром обороны.

Вероятно, у меня появился маленький шанс наладить отношения с подопечным и сделать оставшееся совместное времяпрепровождение менее напряженным.

Клаус остановил бесконечное мелькание кабельных каналов на каком-то старом черно-белом фильме. Сцены были мне знакомы, но название потерялось где-то в кладовых памяти.

– Пойдет? – спросил мальчишка заботливо. – Или... что ты любишь смотреть?

– Оставь, – равнодушно пожала плечами я и решила попробовать сделать первый неуверенный шаг в строительстве мостов между нами, – ты же и один мог кино посмотреть.

– И то верно, – усмехнулся Клаус, – меня уже тошнит от него.

Мне захотелось возразить, что недели недостаточно для возникновения подобного эффекта, но напомнила себе о миротворческой миссии, с которой я спустилась в эту гостиную.

– Очень вкусно, – решила я похвалить стряпню подростка, – правда, немного остро.

Клаус с готовностью налил мне стакан томатного сока.

– Я люблю острое, – сказал он, – ужасно надоела безвкусная стряпня... Игната.

– Вынуждена с тобой не согласиться, – возразила я, – он хорошо готовит.

Клаус хмыкнул, но, видимо, тоже старался подавлять свой дурной нрав, чтобы не лишиться единственной возможной компании в моем лице.

– Да, хорошо, – с трудом согласился парень, – но все обязательно должно быть полезным, а острое – это бесполезно, – конечно, при упоминании Игната Клаус не сдержался, – фу, как омерзительно быть таким правильным...

– Кстати, где он? – заинтересовалась я.

Легко было сложить два и два и предположить, что Клаус не просто так решил покинуть свое убежище, да еще и отправился хозяйничать на кухню.

– Отец вызвал, – откликнулся Клаус и добавил заговорщически: – Так что мы с тобой одни... Не знаю, когда доктор Франкенштейн вернется.

Конечно, знает. Вот тут-то я и пожалела, что расслабилась, а заодно и о легкомысленно проглоченном чили.

Под внимательным взглядом мальчишки я не могла выдать охватившего меня беспокойства, но уже подумывала о том, как бы смотаться в туалет и избавиться от, возможно, приправленного чем-то, кроме острого перца, блюда.

Нужно было поддержать беседу, чтобы Клаус не заподозрил моих опасений.

– Почему ты его так ненавидишь? – Общих тем для разговора у нас практически не было, и я решила ухватиться за единственно возможную.

Вероятно, он и сам выйдет из себя, а я тихонько сольюсь и выполню все возможные меры, чтобы предупредить катастрофу.

Но Клаус не начал беситься, а только рассмеялся, хотя довольно нервно.

– Он мерзкий фальшивый человек, – заговорил он после некоторой паузы, видимо, тщательно подбирая слова для максимально этичной характеристики, – и странный. Просто жутко странный.

– Да, я заметила, – согласилась я.

Вроде бы пока все шло нормально, организм не подавал тревожных сигналов. Может быть, я зря беспокоюсь и ужин – это всего лишь ужин?

Нет, Женечка, ты слишком хорошо знаешь людей, чтобы покупаться на подобное. Нужно встать, извиниться и уйти. Найти повод, в конце концов.

– Ты просто ничего не знаешь, – продолжал Клаус, и его речь стала более эмоциональной. – Я вообще не понимаю, как отец его держит при себе... Он был влюблен в мою мать. Таскался за ней, как чокнутый сталкер, хотя она и была замужем. Ходил на все ее концерты, она уже боялась его. Потом пропал, объявился – и раз! Отец взял его телохранителем. Мне до сих пор кажется, что они с мамой... это... того... бр...

Я так увлеклась рассказом Клауса, что не сразу заметила, как внимательно мальчишка смотрит на меня. И вряд ли его интересовала моя реакция на рассказанную им семейную историю.

Он ждал. Вот черт. И как я могла так проколоться?

Я неуверенно поднялась с места и ощутила тягучую, мягкую тяжесть, разлившуюся в нижних конечностях. Пальцы тоже стали какими-то холодными и непослушными и при попытке ухватиться за спинку кресла я промазала и зачерпнула воздух.

– Ты что-то добавил в еду, – скорее констатировала, чем спросила я.

Клаус невинно закатил глаза.

– Нет, что ты, – откликнулся мальчишка и улыбнулся самой гадкой из всех имевшихся в его арсенале улыбок, – как ты можешь меня в таком подозревать... Я просто хотел накормить тебя ужином.

– И кто тут мерзкий фальшивый человек? – буркнула я и быстро, насколько это позволяло ставшее ватным тело, рванулась в сторону уборной.

Клаус насмешливо проводил меня взглядом Брута, только что всадившего нож в спину Цезаря.

Я захлопнула дверь ванной комнаты и на четвереньках доползла до унитаза.

В глазах предательски темнело, мысли путались. Все мышцы в теле расслабились и требовали поскорее отправиться в глубокий и сладкий сон. Конечно, вызывать рвоту было уже поздно.

Я распласталась на кафельном полу, и цветочный орнамент на стенах комнаты слился в одно яркое пятно. Глаза слипались.

Если ты не отравил меня, гаденыш, то, когда я проснусь, надеру твою самодовольную задницу ремнем... Да, ремнем...

Глава третья

Конечно, по пробуждении я не была настолько полна решимости, как за мгновение до полной отключки сознания.

Сначала я почувствовала промозглый холод кафельного пола, на котором валялась, а потом неприятное покалывание в затекших от неудобной позы конечностях.

Прежде чем пошевелиться, я мысленно прощупала свое тело, оценивая все реакции, и вроде бы не получила никаких тревожных сигналов. Взгляд легко сфокусировался на изящной люстре под потолком, и только в горле была легкая сухость.

Я прилично разбираюсь в ядах, к несчастью, много раз встречавшись с их действием вживую, и вряд ли стала жертвой алхимических опытов глупого мальчишки. Вероятнее всего, Клаус подбросил мне сильные транквилизаторы. Они практически не имеют вкуса и не вызывают побочных действий. Неудивительно, что я ничего не почувствовала.

Насчет побочных реакций я глубоко заблуждалась.

Когда я все-таки решилась наконец-то подняться с пола, я ощутила вязкую, хоть и довольно приятную расслабленность во всем теле. Совершенно отвратительное явление для человека, который привык постоянно находиться в напряжении и все держать под контролем.

Я умылась ледяной водой, но легче не стало.

Из зеркала на меня смотрело помятое и опухшее отражение с блестящими от злости глазами. И злилась я даже больше на себя, чем на проклятого маленького принца. Я пыталась понять, в какой момент жизни вдруг стала такой наивной и сентиментальной настолько, что так просто позволила себя одурачить разговорами об одиночестве и простых человеческих потребностях в общении. Мои детские обиды и недостаток внимания? Возможно. И этот избалованный гаденыш знал, за какие ниточки дернуть, куда надавить.

Конечно, все в нем видят ребенка, которым никто не занимается, и, вероятно, часто спускают ему все с рук только из-за необоснованной жалости.

Не думала, что окажусь в списке этих наивных олухов.

Я вышла из санузла и оценила ситуацию – судя по всему, Игнат еще не вернулся, а Клаус благополучно смылся, воспользовавшись моей отключкой.

Остатки нашего вчерашнего ужина по-прежнему украшали столик в гостиной.

На всякий случай я забрала тарелки к себе, чтобы, если понадобится предоставить Игнату или его хозяину доказательства, быть во всеоружии.

Впрочем, доказательства чего именно, я предпочла не уточнять даже про себя. Собственной глупости и некомпетентности, вероятно.

И как мне после этого вообще оправдывать свою высокую квалификацию?

Игнату вряд ли понадобится доказывать, что Клаус накормил меня снотворным, он был первым, кто предупредил меня насчет мальчишки. А вот Иван, будь он неладен, даже не потрудился сообщить мне, что сыночек его начальника – сущий дьявол в теле подростка.

В моей комнате был легкий беспорядок – Клаус явно заявился сюда, чтобы отыскать ключи от отцовского «Лексуса».

Уважением к чужому личному пространству мальчик явно не отличался, вероятно, заодно ознакомившись с немногочисленными предметами моего быта, чтобы закончить портрет неудачницы, которую так легко обманул.

В отместку я, конечно же, отправилась в его комнату, но дверь оказалась заперта. Для этого случая у меня всегда был с собой небольшой набор из тонкого шпателя и парочки невидимок. Замок оказался относительно простым.

Как и следовало догадаться, апартаментам мальчишки явно не хватало педантичной уборки Игната – везде царил такой первобытный хаос, что можно было предположить, что и здесь произошел обыск. Но искали явно посерьезнее ключей от машины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.me/serova_marina/narushitel-samoizolyacii

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)